

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики

АВТОРСКАЯ ПОСТАНОВКА ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ И ЭЛЕМЕНТЫ
ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ПОЭЗИИ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Бакалаврская работа III курса
студентки отделения
славянской филологии
Веры Филяевой

Научный руководитель –
Е. Г. Сосновцева

Тарту 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПУНКТУАЦИИ И ТИРЕ КАК ЭЛЕМЕНТА ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА	6
1.1 Авторская пунктуация.....	8
1.2 Использование тире как средство выражения экспрессивного синтаксиса в поэзии Марины Цветаевой	12
1.2.1 Послоговое деление речи с помощью тире	15
ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ТИРЕ В ЦИКЛЕ «ПОДРУГА»: ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ, ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ И АВТОРСКИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ.	18
2.1 Обязательные тире	21
2.2 Факультативные тире	28
2.3 Авторские тире	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	53
КОЖКУВЪТЕ	55
ЛИНТЛИСЕНТС	57
AUTORSUSE KINNITUS	58
АННОТАЦИЯ	59

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена анализу авторской пунктуации в цикле «Подруга» (1914–1915) М. Цветаевой. Основное внимание в работе уделяется употреблению тире как знака препинания, активно используемого в поэзии М. Цветаевой и выполняющего как функции организации синтаксической структуры, так и экспрессивные функции. В поэзии М. Цветаевой тире нередко выходит за пределы традиционного синтаксического членения и становится средством смысловой организации текста.

В отличие от прозы, в стихотворениях пунктуация тесно связана с ритмом, интонацией и композиционной структурой высказывания. Это приводит к тому, что знаки препинания, в том числе тире, могут употребляться в позициях, не предполагающих обязательного использования с точки зрения нормативной пунктуации. Под нормативной пунктуацией в данной работе понимается система правил постановки знаков препинания, закреплённая в современных академических справочниках и описывающая обязательные и допустимые варианты оформления синтаксических конструкций. В качестве теоретической основы для описания нормативного употребления знаков препинания используются академические справочники и труды по русской пунктуации, прежде всего работы Д. Э. Розенталя, В. В. Лопатина и Н. С. Валгиной. Нормативное употребление знаков препинания ориентировано прежде всего на грамматическое членение предложения и передачу логико-смысловых отношений между его частями. Однако в поэтическом тексте пунктуация может выходить за пределы нормативного употребления и использоваться как средство интонационного, ритмического и смыслового выделения отдельных компонентов высказывания. В таких случаях пунктуация приобретает индивидуально-авторский характер и становится элементом экспрессивного синтаксиса. О. Г. Ревзина отмечает, что поэтический идиолект М. Цветаевой представляет собой «динамичную, сложную, насыщенную языковым экспериментом систему» [Ревзина 1998: 4]. В этом отношении авторское употребление тире в поэзии М. Цветаевой может рассматриваться как один из элементов индивидуальной организации языка, связанный с особенностями ритма, интонации и экспрессивного синтаксиса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема авторской пунктуации в поэтическом тексте остается дискуссионной в современной лингвистике. Несмотря на значительное количество работ, посвященных поэтике М. Цветаевой, вопросы нормативности и функциональной обусловленности тире в ее стихах часто рассматриваются фрагментарно или в рамках более общего анализа художественного языка. Системное описание функций тире позволяет исследовать взаимодействие нормативных пунктуационных моделей и индивидуально-авторских способов организации текста.

Предметом исследования выступает употребление тире как элемента экспрессивного синтаксиса в стихотворениях цикла «Подруга» (1914–1915).

Цель исследования – выявить особенности употребления тире в цикле «Подруга» М. Цветаевой и определить, каким образом данный знак участвует в организации экспрессивного синтаксиса поэтического текста.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1. Рассмотреть основные подходы к изучению авторской пунктуации и экспрессивного синтаксиса;
2. Описать нормативные случаи употребления тире в русском языке на основе грамматических и справочных источников;
3. Проанализировать все случаи употребления тире в стихотворениях цикла «Подруга»;
4. Выявить и систематизировать функции тире в исследуемых текстах с точки зрения синтаксической структуры предложения, ритма и интонации;

В лингвистике проблема соотношения нормы и авторского употребления знаков препинания рассматривается в рамках функционально-стилистического подхода. Литературная пунктуационная норма фиксируется в грамматиках и справочниках, однако в художественном тексте, особенно поэтическом, она может подвергаться осознанным трансформациям. В этом случае знак препинания перестает выполнять исключительно служебную функцию и становится выразительным средством, формирующим интонационную и смысловую структуру высказывания.

В работах Л. В. Зубовой подчеркивается особая роль пунктуации в поэтическом тексте М. Цветаевой, где знаки препинания тесно связаны с ритмической организацией и интонацией стиха. Функционально-стилистический подход к пунктуации также представлен в трудах Н. С. Валгиной, В. В. Лопатина,

Д. Э. Розенталя и других исследователей, чьи положения используются в настоящей работе при анализе нормативных и вариативных случаев употребления тире.

В данной работе применяются методы сплошной выборки пунктуационных случаев, структурно-синтаксического анализа, а также функционально-стилистического анализа поэтического текста.

Для анализа выбраны 17 стихотворений из цикла М. Цветаевой «Подруга» (1914–1915), относящегося «к юношеским стихам». Рассматриваемый цикл занимает особое место в творчестве поэта, поскольку фиксирует переход от ранней лирики, ориентированной на темы детства и личного переживания, к более сложной и напряженной художественной форме.

Как отмечает А. Саакянц, в стихотворениях 1913–1915 годов происходит заметное изменение поэтического сознания М. Цветаевой: усиливается драматизм, формируется цельный лирический сюжет, а поэтический голос приобретает большую самостоятельность и выразительность [Саакянц 1997: 78].

Цикл «Подруга» позволяет анализировать употребление тире не в изолированных текстах, а в пределах одного корпуса стихотворений, который отражает переходный этап формирования поэтической манеры М. Цветаевой. Всего в работе было проанализировано 66 контекстов употребления тире.

Работа состоит из двух глав, Введения и Заключения. В первой главе «Теоретические основы изучения авторской пунктуации и тире как элемента экспрессивного синтаксиса» рассматриваются основные подходы к изучению авторской пунктуации и экспрессивного синтаксиса в поэтическом тексте, а также определяется роль тире как выразительного средства поэтической речи.

Во второй главе «Функции тире в цикле «Подруга»: обязательные, факультативные и авторские употребления» проводится анализ употребления тире в стихотворениях цикла «Подруга», выделяются основные типы его функционирования и описываются их синтаксические и стилистические особенности.

Глава 1. Теоретические основы изучения авторской пунктуации и тире как элемента экспрессивного синтаксиса

Говоря о пунктуации, прежде всего необходимо дать определение этому понятию. Н.С. Валгина в учебнике «Современный русский язык. Синтаксис» пишет, что пунктуация – это, в первую очередь, свод правил, а во вторую – система знаков препинания, предназначенная для членения письменного текста, которое не может быть передано морфологическими средствами или порядком слов. [Валгина 2003: 387].

Исследователи выделяют три принципа пунктуации в русском языке. Первым принципом является формально-грамматический, вторым – смысловой, третьим – интонационный [Валгина 2003: 389–391; Лопатин 2009: 198].

Формально-грамматическое основание подразумевает учет синтаксического строения предложения. К знакам, соответствующим формально-грамматическому принципу, относятся точка, фиксирующая конец предложения; знаки на стыке частей сложного предложения; знаки, выделяющие сегментированные конструкции; вставки; обращения и пр. Структурный принцип способствует выработке твердых общеупотребительных правил расстановки знаков препинания.

Смысловой принцип пунктуации ориентирован на передачу содержательной значимости высказывания и установление смысловых взаимоотношений между его компонентами. В рамках этого принципа знаки препинания служат для выделения ключевых смысловых центров, акцентирования контрастов, создания семантических пауз, способствующих более точной интерпретации текста. Смысловые показатели приобретают особую значимость при выделении пояснительных и уточняющих конструкций, при определении однородных и неоднородных членов предложения, а также в бессоюзных сложных конструкциях. Например, тире в таких предложениях может указывать на причинно-следственные, временные или сопоставительные отношения между частями предложения. В случаях, когда в одном и том же контексте возможны различные смысловые толкования, знаки препинания помогают однозначно интерпретировать смысловую структуру, предотвращая двусмысленность и обеспечивая логическую связность текста.

Интонационный принцип передает паузы, ритмические ударения и эмоциональные оттенки речи, что позволяет выразить дополнительные смысловые и экспрессивные акценты. В отличие от формально-грамматического и смыслового принципов, интонационный принцип не является основным [Валгина 2003: 391–392; Лопатин 2009: 199]. Тем не менее, в определенных случаях именно интонация становится решающим фактором при выборе знака препинания, особенно в художественных текстах, где пауза или интонационный скачок могут выполнять функцию смыслового акцента. Интонационные знаки, такие как многоточие, восклицательный и вопросительный знаки, интонационное тире, используются для усиления выразительности речи и передачи особенностей устной речи, которая не всегда совпадает с синтаксическим членением текста. Однако в большинстве случаев пунктуация ориентируется на грамматическую структуру предложения, что может вступать в противоречие с интонационным членением, приводя к компромиссным решениям и формально-смысловой доминанте.

М. Я. Дымарский в статье «Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил» выступает за признание интонационного принципа одним из фундаментальных при формулировке правил русской пунктуации. Несмотря на то, что традиционно данный принцип рассматривается наряду с остальными (структурным и смысловым), в современных правилах акцент на интонацию заметно ослаблен: знаки препинания в основном объясняются через синтаксис и семантику, что приводит к множеству исключений и дополнительных оговорок. Однако интонация способна объединить разрозненные случаи пунктуации в единую систему, ориентированную на ритмико-смысловое членение текста. Исторически пунктуация основывалась именно на паузах и мелодике речи, но в современных правилах интонация часто подчиняется грамматике. Тем не менее, анализ показывает, что учет интонационных контуров позволяет точнее определить необходимость знаков препинания, особенно в бессоюзных конструкциях и назывных предложениях. Например, постановка тире между подлежащим и сказуемым оправдана наличием интонационной паузы и акцентного подъема. Интеграция интонационного принципа в формулировки правил может не только упростить систему, но и сделать ее более приближенной к естественной устной речи, сохраняя авторскую экспрессивность и коммуникативную целостность текста [Дымарский 2021: 31].

Основными функциями знаков препинания являются отделительные и выделительные. К отделительным знакам относятся запятая, точка с запятой, точка, двоеточие, многоточие, восклицательный и вопросительный знаки. Выделительные знаки – это скобки, кавычки.

Особое положение тире в системе знаков препинания связано с тем, что данный знак способен реализовывать как отделительные, так и выделительные функции.

Знак тире Н. С. Валгина рассматривает отдельно, говоря, что это «очень емкий знак по своему значению» [Валгина 2003: 396]. В современном русском языке тире представляет собой знаковую единицу с широкой функциональной нагрузкой. Активное и разнообразное его использования в публикациях последних десятилетий свидетельствует о тенденции к универсализации этого знака. Несмотря на широкие возможности применения, употребление тире подчиняется определенным закономерностям. Тире выполняет функцию маркирования различных пропусков: связки в составном именном сказуемом, компонентов неполных и эллиптических конструкций, а также противительных союзов. В этих случаях тире компенсирует отсутствующие элементы, обозначая их синтаксическую позицию. Кроме того, этот знак может выражать значения условия, времени, сравнения и следствия при отсутствии соответствующих союзов. Также тире может передавать и экспрессивно-эмоциональные оттенки: динамику речи, ее прерывистость, внезапность или стремительность смены событий [Там же: 396].

Рассмотренные принципы пунктуации создают теоретическую основу для анализа конкретных знаков препинания с точки зрения их функциональной нагрузки в художественном тексте. В этом отношении тире занимает особое положение, поскольку способно реализовывать сразу несколько пунктуационных принципов – формально-грамматический, смысловой и интонационный, что делает этот знак одним из наиболее продуктивных знаков в поэтической речи и позволяет рассматривать его как важный элемент экспрессивного синтаксиса.

1.1 Авторская пунктуация

Понятие авторской пунктуации имеет два значения. Во-первых, это совокупность всех знаков препинания, поставленных непосредственно автором текста в рукописи. Во-вторых, это нерегламентированные случаи применения

знаков, не закрепленные правилами. Однако не всякая нерегламентированная пунктуация является авторской.

Для определения границ этого явления Н. С. Валгина предлагает дифференцировать несколько типов пунктуационных отклонений.

Первым примером нерегламентированной пунктуации служит ситуативная пунктуация, которая возникает под влиянием жанровых и функциональных характеристик текста. В этих случаях знаки выполняют логико-смысловые, акцентно-выделительные, экспрессивно-эмоциональные и сигнальные функции, обеспечивая стилистическое своеобразие текста. Так, в научных и официально-деловых текстах преобладают логико-смысловые знаки, в публицистике и художественной прозе акцентируется эмоциональная и экспрессивная функция пунктуации, тогда как в рекламных текстах – сигнальная. [Валгина 2003: 400].

Сигнальный характер пунктуации особенно отчетливо проявляется в рекламных текстах с помощью интонационно расчлененных конструкций и восклицательных знаков, например: *«В Тарту теперь доступна услуга экспресс-доставки ePrisma — товары доставим в течение 1 часа!»*. В официально-деловом дискурсе знаки препинания направлены на формирование точных дефиниций и пояснений: *«Потребительский договор – это заключаемый между потребителем и торговцем или продавцом услуги договор, который влечет за собой права и обязанности как для потребителя, так и торговца или продавца услуги»*. В художественном тексте пунктуация служит интонационному выделению смысловых компонентов высказывания: *«Скажу прямо: Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, — так даже, что, мне кажется, без нее и прожить не мог»* (Ф. М. Достоевский).

Несмотря на разнообразие функций, такие знаки не могут считаться авторскими, поскольку их выбор определяется жанровой принадлежностью и речевой ситуацией.

Вторым вариантом нерегламентированной пунктуации становятся исторически обусловленные изменения, которые отражают процессы, связанные с развитием языка и изменением синтаксических структур. Современные тенденции, такие как активизация тире в конструкциях с пояснительными и обобщающими компонентами, иллюстрируют трансформации пунктуационной системы. В своей статье «Что такое авторская пунктуация?» Н.С. Валгина обращает внимание на то,

что двоеточие до конца XIX века имело более широкое применение, нежели в нынешнее время. В качестве примера приводится употребление двоеточия в произведениях И. С. Тургенева: *«Мы туда – сюда; спрашиваем кухарку: та ничего не знает»*, где знак выполняет функцию, которая в современной пунктуации чаще выражается тире или союзной связью. Подобные случаи не могут рассматриваться как проявление индивидуально-авторской пунктуации, поскольку они обусловлены нормами своего времени. Н. С. Валгина подчеркивает, что при анализе текстов прошлых эпох пунктуационные особенности нередко ошибочно интерпретируются как авторская индивидуальность. Так, в различных изданиях стихотворения А. С. Пушкина *«Узник»* встречается постановка двоеточия в конце первой строки: *«Сижу за решеткой в темнице сырой.»*, тогда как в академическом издании используется точка. Такие расхождения связаны не с авторским замыслом, а с издательской практикой и изменением пунктуационных норм, причем неверное воспроизведение знаков препинания может существенно исказить смысл поэтического текста.

Исследователь отмечает, что правила пунктуации неизбежно отстают от своего времени, ведь они фиксируют лишь конкретный временной отрезок, а употребление знаков меняется все время, в соответствии с нуждами языка [Валгина 1978а: 50].

Контекстуально обусловленная пунктуация определяется содержанием текста и речевой ситуацией. Знаки препинания в таких случаях проставляются в зависимости от логики высказывания, акцентных позиций и смысловой структуры текста. Н.С. Валгина отмечает, что выбор таких знаков не является уникальным для конкретного автора, поскольку аналогичные конструкции могут встречаться у разных писателей, воспроизводя общие речевые ситуации [Валгина 1978а: 51; Валгина 2003: 402].

Выделяется также сфера применения нерегламентированной пунктуации в описании разговорной речи. Имитация живой речи в письменной форме приводит к активному использованию многоточий, тире, а также к членению текста на короткие отрезки. Подобная расстановка знаков препинания ориентирована на воспроизведение устной речи в письменном виде, что не является отражением авторской индивидуальности.

Индивидуально-авторская пунктуация представляет собой знаки, не закрепленные правилами и функционирующие исключительно по воле автора. К

таким знакам относятся те, которые помогают передавать экспрессивность текста, что в устной речи возможно реализуется с помощью интонации. Подобные знаки препинания напрямую связаны с индивидуальностью автора. Выразительность знаков препинания определяется не непосредственно самими знаками, а той интонацией и структурой мысли, которые они передают [Валгина 2003: 402–403].

Интонация, отражающая эмоциональное состояние, в каждом отдельном случае предельно субъективна, и ее передача в письменной речи посредством знаков всецело связана с индивидуальностью автора. Авторские знаки препинания, такие как тире, выполняют функцию передачи эмоционально-экспрессивных качеств речи, что в устной речи выражается интонацией. В письменной же речи тире становится графическим эквивалентом паузы, прерывистости или акцента, позволяя передать те интонационные характеристики, которые невозможно передать иными средствами [Валгина 1979а: 95].

Интонационная функция тире ярко проявляется в поэзии А. Блока, где данный знак используется для создания резких смысловых и интонационных скачков. В текстах Блока тире появляется неожиданно, без синтаксической или логической мотивации, что создает впечатление эмоционального надлома или внутреннего разрыва [Валгина 1978а: 54]. В этих строках тире становится знаком эмоционального всплеска, фиксируя внезапность, импульсивность высказывания, что придает произведению особую экспрессию и ритмическую прерывистость. В качестве примера приведены строки из стихотворения «Старый, старый сон. Из мрака...» цикла «Пляски смерти»: *Старый, старый сон. Из мрака / Фонари бегут — куда?*; из стихотворения «Скифы»: *В последний раз — опомнись, старый мир!*; и поэмы «Двенадцать»: *Кругом — огни, огни, огни...* и др.

Отдельное внимание в работах Н. С. Валгиной уделено тире в произведениях М. Горького. Постановка тире между подлежащим и сказуемым является характерной особенностью текста Горького, причем оно нередко используется и в тех случаях, когда его употребление не регламентируется нормативными правилами пунктуации. В пособии «Русская пунктуация: принципы и назначения» Н.С. Валгина указывает на то, что тире разрывает у М. Горького «интонационную плавность фразы» и играет роль «интонационного разграничителя». В качестве примеров приведены реплики героев из пьесы «Егор Булычов и другие»: *Однако - можно и поговорить, ну - после; Призвали, уговорились и - вдруг не надо!; Я — устал: пойду к себе* [Валгина 1979а: 96-97].

Примером использования знаков препинания с целью усиления ритмической структуры текста служит тире в диалогической речи пьес М. Горького. Тире может появляться между подлежащим и сказуемым – личным глаголом, после союзов и частиц, после обращений. В подтверждение этого Н. С. Валгина приводит примеры из пьесы М. Горького «На дне»: *А я — пойду — пойду лягу середь улицы... Я — ничего не жалею!..; Я имею бумаги... но — они никуда не годятся; «Началось! Настька — ты где?»* [Валгина 1978а: 54].

1.2 Использование тире как средство выражения экспрессивного синтаксиса в поэзии Марины Цветаевой

В очерке М. Цветаевой «Мой Пушкин» отмечается частое и последовательное употребление тире, которое интонационно прерывает и дробит высказывание, придавая ему резкость и ритмическую напряженность. Эти ритмомелодические характеристики Н.С. Валгина сравнивает с «биением сердца» [Валгина 1978а: 54–55]. Схожий вывод делает и В. Н. Орлов: «О цветаевском стихе можно сказать словами, которыми она сама охарактеризовала безусловно близкую ей ритмику Маяковского: это – *как «физическое сердцебиение – удары сердца – застоявшегося коня или связанного человека»* [Орлов 1965: 45].

Развивая это наблюдение, В. Н. Орлов указывает на особенность поэтики М. Цветаевой – смещенную паузу, которая часто приходится на середину строки или начало следующей. Это придает стихам М. Цветаевой «спотыкающийся» ритм, ломающий традиционную метрическую структуру и создающий ощущение внутреннего напряжения и порывистости мысли. Примером такой ритмической и синтаксической дробности служат строки из циклов «Деревья» 1922 г. и «Стихи к Чехии» 1938 г. [Орлов 1965: 46].

К вам! В живоплецущую ртуть / Листвы – пусть рушащейся! [СС-2 1994: 143].

Двадцать лет свободы – / Всем. Огня и дома – / Всем [СС-2 1994: 346].

В статье о пунктуации в поэзии Марины Цветаевой Н. С. Валгина отмечает, что синтаксическая структура цветаевского стиха – предельно сложная, зачастую импульсивная и ломаная. В контексте оценки поэтической манеры Н. С. Валгина вновь опирается на мнение В. Н. Орлова, подчеркивающего, что поэзия М.

Цветаевой отличается монументальностью, трагизмом и узнаваемым ритмоинтонационным рисунком. Исследователь отмечает, что индивидуальность М. Цветаевой как поэта проявляется не только в тематике и образной системе, но и в своеобразной пунктуации, выполняющей функционально-стилистическую нагрузку. Знаки препинания в ее поэзии – это не механический инструмент, но органический элемент поэтической речи, обнажающий внутреннюю организацию текста [Валгина 1978б: 58].

Важным аспектом поэтической техники Марины Цветаевой, непосредственно соотносящимся с авторской пунктуацией и экспрессивным синтаксисом, является феномен ритмической иконичности, подробно рассмотренный Л. В. Зубовой в книге «Язык поэзии Марины Цветаевой».

Особое внимание уделяется длинным, многосложным словам, которые, нарушая привычный ритм, становятся интонационно акцентированными. Такие слова произносятся с дополнительными ударениями, теряя характерную для разговорной речи редукцию, что придает им выразительную длительность. Эта акустическая протяженность приобретает смысловую нагрузку, передавая, например, длительность времени, внутреннее напряжение или эмоциональное нарастание. Подобная эмоционально-изобразительная многоударность встречается в поэзии Цветаевой довольно часто [Зубова 2017: 40]:

Железнодорожные полотна [СС-2 1994: 208];

Так разминовываемся – мы [СС-2 1994: 235].

Наряду с этим в поэзии Цветаевой активно используется и иконичность коротких, преимущественно односложных слов. Они размещаются в конце строк и становятся ритмическими эквивалентами точки. Подобный прием реализован в стихотворении «В огромном городе моем – ночь» из цикла «Бессонница», где финальные слова строк – *ночь, прочь, дочь, путь* и др. – выделены графически и интонационно при помощи постановки тире:

Июльский ветер мне метёт – путь, / И где-то музыка в окне – чуть. [СС-1 1994: 282].

Такая постановка ненормативного тире усиливает паузу внутри синтагмы, что создает завершающую интонацию строки. Таким образом возникает противоречие с перечислительной интонацией всего предложения.

Одним из выразительных приемов поэтики М. Цветаевой становится сознательное создание эффекта *изобразительного неблагозвучия* – накопления

труднопроизносимых звуков, нарушающих плавность речевого потока. В трагедии «Федра» такой прием, как показывает Л. В. Зубова, сочетается с экспрессивной синтаксической сбивчивостью и авторской пунктуацией, включая нестандартное употребление тире, многоточий и переносов строк, что ярко проявляется в монологе Федры: *точно глыбу... / – Сдвинула!* [СС-3 1994: 669]. Синтаксическая фрагментарность монолога подчеркнута резкими переходами, короткими репликами, а также нестандартной пунктуацией. Цветаева использует сразу три графических средства, чтобы обозначить экспрессивную паузу: перенос строки, многоточие и тире (напр.: *точно глыбу... / – Сдвинула!*). Эти знаки, действуя вместе, усиливают драматизм и подчеркивают несовпадение между мыслью и ее оформлением в слове. Тире в такой позиции приобретает функцию эмоционального и логического импульса, продолжения, скачка от одного фрагмента мысли к другому.

Таким образом, авторская пунктуация – в первую очередь тире и многоточие, работающие в сочетании с анжамбеманом, – в поэзии Цветаевой выполняет не просто структурную, но иконическую функцию. Она визуально, звуково и синтаксически воплощает аффективное напряжение, ритм дыхания, паузы между мыслями и словами. Эти знаки становятся неотъемлемыми элементами экспрессивного синтаксиса, в полной мере реализующегося именно в нестандартной авторской пунктуации. [Зубова 2017: 25–26].

Этот же фрагмент анализирует Р.С. Войтехович в своей книге «Марина Цветаева и античность», говоря, что речь Федры не только страстный монолог, но и своего рода логогенез: героиня как бы заново творит слово, вбирающее в себя стихию, миф и религиозную метафорику. Повторяющаяся конструкция «*началом* (взгляд, куст, звук, хруст, стук) *был...*» варьирует евангельскую формулу «В начале было Слово», придавая речи героини статус сакрального переживания. Пунктуационные разрывы, в том числе тире, отражают неустойчивость, хаотичность этого рождения, а также приближение к границе трансцендентного [Войтехович 2008: 251–252].

В поэзии М. Цветаевой тире является одним из ключевых элементов экспрессивного синтаксиса, тесно связанным с ритмом, интонацией и смысловой динамикой высказывания. Его использование позволяет передавать внутреннее напряжение поэтической речи, скачки мысли, а также ритмическую и интонационную организацию стиха. В сочетании с другими графическими

средствами тире приобретает иконическую функцию, становясь значимым компонентом индивидуально-авторской поэтики.

1.2.1 Послоговое деление речи с помощью тире

Л. В. Зубова выделяет еще один прием использования ненормативной пунктуации – послоговое деление речи. В таких конструкциях тире становится важным средством смысловой и ритмической организации текста, расширяя выразительные возможности поэтической речи и выходя за рамки нормативного употребления [Зубова 2017: 43].

В качестве примера такого послогового деления Л.В. Зубова приводит отрывок из «Поэмы Конца» 1924 г., где в сцене расставания ритмическое акцентирование, с одной стороны, служит средством самоконтроля и подавления эмоционального взрыва, напоминая формулу релаксации («Я спокоен»); а с другой – выступает приемом остранения, акцентируя внимание на звуковом облике слова «последний», которое в контексте любовного свидания воспринимается как чуждое.

Спо—койных глаз / Взлет. – Можно до дому? / В по—следний раз!
[СС-3 1994: 42].

В поэме 1925 г. «Крысолов» тире играет особую роль в эпизоде гибели крыс, где ключевым словом становится *окоём*. М. Цветаева расчленяет это слово при помощи тире:

Око – ём! [СС-3 1994: 77].

Такое необычное членение связано как с ритмическими задачами, так и с глубоким смысловым эффектом. Тире здесь разделяет слово на его морфемные составляющие (*око* – глаз, *ём* – от глагола *имать*, «вмещать»), усиливая восприятие каждого элемента отдельно.

Такое восприятие ритмизованной речи связано как с организацией стихового ритма, так и с особенностями эмоционального воздействия текста. С. Эйзенштейн отмечал, что ритмизованная речь как структурный аналог биологических ритмов — сердцебиения, дыхания и других процессов жизнедеятельности — приближает человека к состояниям, в которых особенно активно проявляется чувственное мышление [Эйзенштейн 2002: 286]. В этом отношении послоговая ритмизация у М. Цветаевой выступает одновременно фонетическим, графическим и выразительным приемом, усиливающим чувственное восприятие слова.

Как отмечает Л. В. Зубова, «В анализируемом фрагменте из поэмы «Крысолов» слово разделено на две части знаком тире, и в этом можно видеть несколько функций. Прежде всего, ритмическое акцентирование с привнесением дополнительного ударения выводит слово из автоматизма восприятия; при этом происходят два противоположно направленных процесса: усиление чувственного восприятия слова экспрессивной ритмизацией и усиление рационально-аналитического восприятия морфемным членением» [Зубова 1999: 129].

Для настоящего исследования принципиально то, что в поэзии М. Цветаевой тире становится знаком, передающим паузу, ударение, темп, а в ряде случаев и синтаксическую границу. Р. Сальваторе также отмечает, что в поэзии М. Цветаевой тире может выполнять как синтаксическую, так и структурно-эмфатическую функцию. По наблюдению исследователя, постоянство позиции тире внутри строфической структуры создает дополнительные семантические соответствия и усиливает выразительность текста [Сальваторе 2018: 73]. Так, в ряде стихотворений тире заменяет привычную пунктуацию и приобретает статус самостоятельного выразительного средства, разграничивая синтагмы не по грамматическим, а по эмоционально-интонационным основаниям. В сценах, наполненных экспрессией, как в трагедии «Ариадна» или поэме «Крысолов», тире организует не только внутреннюю структуру слова, но и строфы в целом. М. Цветаева сама отмечала, что «между первым и вторым слогом перерыв», который она фиксирует с помощью тире, создает эффект скандирования [СС-3 1994: 601].

Изобразительное слоговое деление активно связано с темами боли, напряжения, перехода в «иной мир», часто обозначаемого у М. Цветаевой образом границы, порога или «окоёма». Разделение слова, например: «*День—га за смерть*» – конденсирует двойную семантику: с одной стороны – прозаическую, материальную (монета как плата), с другой – мифопоэтическую (плата Харону). Такое использование тире наделяет текст дополнительной глубиной, придавая словам символическую нагрузку и одновременно разрушая автоматизм их восприятия [Зубова 2017: 43].

Авторская пунктуация М. Цветаевой – особенно в использовании тире – приобретает статус органичного и незаменимого элемента поэтического языка, позволяющего выразить ритмико-смысловые и эмоциональные структуры. Слоговое деление с помощью тире не просто отражает ритм стиха, а задает его, управляет восприятием текста и служит средством воплощения внутреннего

состояния лирического субъекта. Именно эта особенность обуславливает повышенную частотность тире в поэзии и определяет целесообразность детального анализа случаев его употребления на материале стихотворений М. Цветаевой из цикла «Подруга», к которому мы переходим в следующей главе.

Глава 2. Функции тире в цикле «Подруга»: обязательные, факультативные и авторские употребления.

Во второй главе работы анализируется постановка тире в стихотворениях цикла «Подруга», входящего в корпус «Юношеских стихов» М. Цветаевой (1914–1915), посвященного С. Я. Парнок. Выбор данного цикла в качестве материала исследования обусловлен его особым положением в периодизации творчества поэта и его значением для формирования поэтической манеры М. Цветаевой.

Во вступительной статье «Поэтический мир Марины Цветаевой» из книги «Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы» Е. Б. Коркина рассматривает «Юношеские стихи» как целостный этап раннего творчества, в рамках которого при сохранении прежнего творческого метода происходит существенное внутреннее развитие лирического сознания поэта. По наблюдению исследователя, именно цикл «Подруга», занимающий срединное положение в «Юношеских стихах», фиксирует переломный момент: пережитый в 1914 году личный кризис, связанный с отношениями М. Цветаевой и С. Я. Парнок, который приводит к существенному внутреннему сдвигу в лирическом сознании поэта и обозначает переход от ранней юношеской лирики к поэтике, характеризующейся нарастанием внутреннего напряжения и усложнением мироощущения, получившей дальнейшее развитие в книге «Версты» [Коркина 1990: 10-11].

Цикл состоит из 17 стихотворений, представляющих собой своего рода «роман в стихах», где разворачивается история любви двух женщин - от восторженного восхищения до осознания трагичности и обреченности их связи. Лирическая героиня описывает возлюбленную как «*юную трагическую леди*», «*язвительную и жгучую*», чьи «*вдохновенные соблазны*» и «*темный рок*» оказывают разрушительное воздействие на ее спутницу. Лирическая героиня Цветаевой с самого начала осознает обреченность отношений, о чем свидетельствуют строки первого стихотворения цикла: «*Вам, мой демон крутолобый, Скажу прости*» [Саакянц 2002: 73].

Кульминацией цикла становится тринадцатое стихотворение цикла «Повторю в канун разлуки...», в котором лирическая героиня окончательно осознает иллюзорность отношений с С. Парнок. Она прямо указывает на

разрушительный характер этих связей: *«Требующую расплаты / За случайный вздох»* [СС-1 1994: 226].

В последних стихотворениях цикла М. Цветаева окончательно прощается с С. Парнок, благословляя ее «на все четыре стороны». А. А. Саакянц пишет о стихотворении «Есть имена, как душные цветы...»: «Цветаевская героиня пытается освободиться от старшей подруги: ее капризов, ее деспотизма: *«Зачем тебе, зачем / Моя душа спартанского ребенка?»*» [Саакянц 2002: 78].

Цикл «Подруга» отражает автобиографический контекст и представляет собой важный этап в творческом становлении М. Цветаевой: происходит формирование авторского стиля поэта, в котором знаки препинания, и особенно тире, становятся выразительным средством, позволяющим структурировать текст и передавать внутренние эмоциональные разломы. Анализ всех текстов цикла позволяет рассматривать употребление тире не фрагментарно, а в пределах целостного поэтического высказывания, в котором пунктуационные приемы связаны с развитием лирического сюжета, нарастанием эмоционального напряжения и трансформацией интонационно-синтаксической организации стиха.

Таким образом, цикл «Подруга» представляет собой репрезентативный материал для исследования соотношения нормативных и индивидуально-авторских употреблений тире в поэзии М. Цветаевой

В следующих разделах главы будет осуществлен поэтапный анализ использования тире в стихотворениях цикла, где особое внимание будет уделено функциональной и экспрессивной нагрузке этого знака препинания.

Таблица 1. Классификация случаев употребления тире в цикле «Подруга» М. Цветаевой

Обязательные	10	Факультативные	28	Авторские	28
Тире как маркер прямой речи	4	Эллиптические предложения	6	Авторское тире в диалогическом контексте	10
Тире в неполных предложениях	3	Сложные предложения	4	Тире между подлежащим и именной частью сказуемого, выраженного прилагательным	6
Тире между однородными членами предложения	2	Вставные конструкции	9	Творительный падеж	5
Тире при противопоставленных членах предложения	1	Обособление определений	3	Тире при уточняющих, пояснительных и присоединительных членах предложения	1
Тире в сложных предложениях	0	Знак тире при обособленных обстоятельствах	4	Тире перед дополнением	2
		Тире в функции выделения	1	Тире перед обстоятельством	1
		Тире при повторяющихся членах предложения	1	Отдельные случаи авторского употребления тире	3

2.1 Обязательные тире

М. Цветаева в цикле «Подруга» использует как факультативные тире, так и те, которые входят в противоречие с синтаксической структурой. В этом разделе главы будут рассмотрены примеры обязательных тире, использованных в стихотворениях.

В рамках данной работы обязательное тире трактуется как знак препинания, постановка которого обусловлена синтаксической структурой высказывания и прямо регламентируется нормами современной русской пунктуации. Согласно справочнику Д. Э. Розенталя и И. Б. Голуб «Русская орфография и пунктуация», а также пособию Н. С. Валгиной «Русская пунктуация: принципы и назначения», тире является обязательным в тех случаях, когда оно выступает средством выражения грамматических отношений, не выраженных лексически. К числу таких конструкций относятся предложения с именным сказуемым без связки; неполные конструкции с пропущенными членами; бессоюзные сложные предложения, передающие причинно-следственные, временные, условные и другие логические отношения, а также конструкции с резким противопоставлением или неожиданным присоединением [Валгина 1979а: 49–53]. Кроме того, тире используется в оформлении прямой речи: оно отделяет авторские слова от реплики, а в диалогической форме текста маркирует смену говорящего [Розенталь 1990: 146–148]. Ниже показано, как все эти конструкции реализованы в стихотворениях цикла «Подруга».

2.3.1 Тире как маркер прямой речи.

В цикле «Подруга» М. Цветаева использует тире для маркирования прямой речи. Подобные случаи встречаются в стихотворениях №5, №13, №15, №16.

(1) — Oh, je n'en puis plus, j'étouffe! — / Вы крикнули во весь голос [СС-1 1994: 219].

Данные знаки тире абсолютно соответствуют регламенту пунктуации и являются обязательными при передаче прямой речи [Лопатин 2009:301].

В стихотворении №13:

(2) *И еще тебе скажу я: — / Все равно — канун! — / Этот рот до поцелуя* [СС-1 1994: 226].

Здесь М. Цветаева уже ставит двоеточие после слов автора. Все знаки пунктуации соответствуют правилам.

В стихотворениях №15 и №16 последние строки стихотворения заканчиваются предложениями, которые оформлены, как прямая речь.

(3) — *Благословляю Вас на все / Четыре стороны!* [СС-1 1994: 227].

(4) — *Что от меня останется / В сердце твоём, странница?* [СС-1 1994: 228].

Данные предложения начинаются с новой строки и перед ними поставлены тире. Согласно справочнику под ред. В. Лопатина, именно таким образом тире оформляют прямую речь, когда она начинается с новой строки [Лопатин 2009:301].

В этом цикле видно, что автор при оформлении прямой речи отдаёт предпочтение знакам тире, но в стихотворении №7 М. Цветаева использует кавычки, когда передает прямую речь: *Как руку Вы мою оставили, / Сказав: «О, я ее хочу!»* [СС-1 1994: 221]. Такая постановка знаков тоже соответствует регламенту.

Из этого можно сделать вывод, что в цикле «Подруга» преимущественно М. Цветаева использует тире при передаче собственных реплик лирического субъекта, то есть внутреннего диалога, благодаря чему стирается граница между вставными конструкциями и прямой речью, тогда как «чужая речь» оформляется с помощью кавычек.

2.3.2 Тире в неполных предложениях.

В русском языке неполные предложения представляют собой синтаксические конструкции, в которых отсутствуют отдельные члены, как главные, так и второстепенные, формально не выраженные, но легко восстанавливаемые из контекста или речевой ситуации. Пропущенные элементы остаются семантически активными: они участвуют в формировании структуры высказывания и сохраняют грамматические связи. Подобные конструкции не нарушают смысловую завершенности и коммуникативной полноты высказывания. Неполные предложения относятся по структуре к тем же типам, что и полные предложения. Отличие неполных предложений от недосказанных заключается в том, что последние представляют собой прерванное высказывание, тогда как неполные сохраняют целостность смысла [Валгина 2003: 194–195].

В неполных и эллиптических предложениях тире компенсирует пропущенные слова и является обязательным знаком препинания. При этом неполные предложения предполагают восстановление пропущенных компонентов

из контекста, тогда как в эллиптических конструкциях пропущенные компоненты восстанавливаются из речевой ситуации (см. раздел 2.2 Факультативные тире).

Примеры использования тире в неполных предложениях встречаются в стихотворениях №2, №8, №10.

(5) *Мы были: я — в пышном платье / Из чуть золотого фая, / Вы — в вязаной черной куртке / С крылатым воротником.* [СС-1 1994: 223].

В этих частях пропущена глагольная связка (была / были), восстанавливаемая из первой части сложного предложения *Мы были*. Тире фиксирует место пропуска, что соответствует правилу постановки тире в неполных предложениях [Розенталь 1990: 107]. Кроме того, конструкция построена на синтаксическом параллелизме: части *я — в пышном платье* и *вы — в вязаной чёрной куртке* имеют одинаковую структуру, что усиливает их сопоставление.

Стихотворение №8 из цикла «Подруга» также имеет предложение с подобной синтаксической конструкцией:

(6) *Кто скажет имя, кто — лета, / Кто — край ее, кто — век?* [СС- 1 1994: 222].

Это пример неполного предложения с параллельной структурой, где во второй и последующих частях опущен глагол *скажет*. В таких случаях ставится тире [Лопатин 2009:210].

Следующий пример, анализируемый в работе, взят из стихотворения №2:

(7) *Кто был охотник? — Кто — добыча?* [СС-1 1994: 217].

В этом случае рассматривается именно второе тире строки в предложении «*Кто — добыча?*». Согласно справочнику «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина, тире не рекомендуется ставить между подлежащим и именным сказуемым, когда один из главных членов выражен вопросительным местоимением, а другой – существительным [Лопатин 2009:208]. Хотя, имея в виду предыдущее предложение «*Кто был охотник?*», можно уверенно сделать вывод, что здесь эллиптируется связка, поэтому тире является обязательным знаком [Лопатин 2009: 210].

В данном случае наблюдается контекстуальная неполнота предложения, которая обнаруживается прежде всего в условиях контекста, а само понятие неполноты возникает из сопоставления с полными предложениями, при учете синтаксических связей между компонентами предложения.

2.3.3 Тире между однородными членами предложения

Согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина, тире между однородными членами предложения может ставиться при наличии союза для обозначения резкого или неожиданного перехода от одного действия или состояния к другому: *Тогда Алексей стиснул зубы, зажмурился, из всех сил рванул унт обеими руками — и тут же потерял сознание* (Б. П.); *...Хотел всегда жить в городе — и вот кончаю жизнь в деревне* (Ч.) [Лопатин 2009: 220]. Такой пример встречается в стихотворении № 7.

- (8) Как я Вам — хорошеть до старости — / Клялась — и просыпала соль,
[СС-1 1994: 221].

В данном примере тире после слова *клялась* соответствует нормативному правилу постановки тире между однородными членами предложения при резком переходе между действиями. Знак подчеркивает внезапность перехода от обещания к действию, которое символически нарушает его. Благодаря этому сочетание *клялась — и просыпала соль* воспринимается как интонационный и смысловой перелом.

Между однородными членами предложения ставится тире при пропуске противительного союза: Знание людьми законов не желательно — обязательно (газ.); Трагический голос, уже не летящий, не звонкий — глубокий, грудной, «мхатовский» (газ.) [Лопатин 2009: 220]. Подобный случай встречается в стихотворении №9:

- (9) Не цветок — стебелек из стали ты [СС-1 1994: 223].

В данном примере тире соответствует нормативному правилу постановки тире при пропуске противительного союза *а*. Знак устанавливает отношения противопоставления между образами *цветок* и *стебелек из стали*, подчеркивая их смысловую несовместимость.

2.3.4 Тире при противопоставленных членах предложения

В справочнике под ред. В. В. Лопатина тире рассматривается как средство выделения противопоставленных членов предложения: Страшно, сладко, неизбежно, надо / Мне — бросаться в многопенный вал, / Вам — зеленоглазою наядой / Петь, плескаться у ирландских скал (Бл.). [Лопатин 2009: 212]. Такая функция знака наблюдается в примере (10):

- (10) Как весело сиял снежинками / Ваш — серый, мой — соболий мех
[СС-1 1994: 220].

Тире выделяет противопоставленные определения *ваши — серый и мой — соболей*, подчеркивая сопоставление двух образов. Благодаря этому конструкция приобретает дополнительную интонационную выразительность и ритмическую расчлененность.

2.3.5 Тире в сложных предложениях.

В отличие от простого, сложное предложение включает две и более предикативные единицы, объединенные в смысловое, структурное и интонационное целое. Связь между частями сложного предложения может осуществляться с помощью союзов и союзных слов, порядка следования частей, а также интонации [Валгина 2003: 269].

Одним из графических средств выражения смысловых и синтаксических отношений между частями сложного предложения является тире. Этот знак препинания используется для обозначения резких переходов мысли, сопоставительных и противопоставительных отношений, причинно-следственных связей, временной или условной обусловленности действия, а также при неожиданном присоединении.

Сложносочиненным называется сложное предложение, части которого соединяются сочинительными союзами и характеризуются синтаксическим равноправием. Каждая часть такого предложения сохраняет собственную предикативность и может быть соотнесена с самостоятельным простым предложением. Однако на уровне семантики возможны разные степени связности — от полной автономии частей до их смысловой и лексической взаимозависимости [Валгина 2003: 276].

В сложносочиненных предложениях тире используется при резком противопоставлении, присоединении или обозначении следственно-временных отношений. Согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации», тире ставится в сложносочиненном предложении, если вторая часть содержит значение внезапного результата, следствия или резкого противопоставления, чаще всего перед союзом *и*, реже — перед союзами *а* и *но* [Лопатин 2009: 283].

Особенно значима роль тире в бессоюзных сложных предложениях (БСП), где предикативные части соединяются без помощи союзов и союзных слов. В таких случаях тире служит основным маркером семантических отношений между частями. В бессоюзных сложных предложениях тире может обозначать следствие,

условие, противопоставление, присоединение или логический результат [Валгина 2003: 336].

Однако анализ цикла «Подруга» показывает, что случаи обязательного употребления тире в составе сложных предложений в исследуемом материале отсутствуют. Это связано прежде всего с особенностями поэтического синтаксиса М. Цветаевой, для которого характерны эллиптичность, фрагментарность и синтаксическая компрессия [Зубова 2017: 200]. Вследствие этого поэтическая речь строится преимущественно не на развернутых сложных конструкциях с четко оформленными синтаксическими отношениями, а на интонационно расчлененных фразах, неполных предложениях и контекстуально восстанавливаемых связях.

Выводы к разделу 2.1 Обязательные тире.

Разбор стихотворений цикла «Подруга» показал, что даже при высокой степени индивидуализации поэтического синтаксиса в тексте сохраняется опора на нормативную систему русской пунктуации. В разделе 2.1 были рассмотрены 10 контекстов обязательного употребления тире, связанных с различными синтаксическими конструкциями: оформлением прямой речи, неполными предложениями, пропуском связки, конструкциями с однородными и противопоставленными членами предложения. В данных случаях тире выполняет прежде всего грамматическую функцию: фиксирует пропуск членов предложения, оформляет границы реплики и выражает синтаксические отношения между компонентами высказывания. Подобное употребление соответствует нормам русской пунктуации, описанным в работах Д. Э. Розенталя, В. В. Лопатина и Н. С. Валгиной.

Наиболее продуктивную группу составляют конструкции, связанные с оформлением прямой речи. В разделе было рассмотрено 4 подобных контекста: примеры (1)–(4). Анализ показал, что М. Цветаева преимущественно использует тире при передаче реплик лирического субъекта и внутреннего диалога, благодаря чему прямая речь органично включается в интонационную структуру стихотворения.

Отдельную группу представляют случаи употребления тире при однородных членах, представленные в примерах (8) и (9), а также при противопоставленных членах предложения, как в примере (10).

Значительную группу образуют неполные предложения — примеры (5), (6) и (7), то есть 3 из 10 рассмотренных случаев. В подобных конструкциях тире

обозначает пропуск связки или отдельного члена предложения. Показательно, что при наличии неполных конструкций в цикле «Подруга» отсутствуют случаи обязательного употребления тире в составе сложных предложений, хотя именно в бессоюзных конструкциях тире обычно является одним из основных средств выражения смысловых отношений между частями высказывания. Вследствие этого смысловые связи в цикле передаются не через развернутые сложные конструкции, а посредством ритма, интонационного членения и контекстуально восстанавливаемых элементов.

Обязательные тире в цикле «Подруга» нельзя рассматривать исключительно как средство нормативного оформления синтаксической структуры. Даже в конструкциях, полностью соответствующих правилам русской пунктуации, тире у М. Цветаевой активно участвует в ритмической, интонационной и смысловой организации поэтического текста.

2.2 Факультативные тире

В этом разделе будут рассмотрены примеры факультативного использования тире.

В отличие от обязательных знаков, факультативные не фиксируют единственно возможную структуру предложения, а допускают варианты пунктуационного оформления, равноправные с точки зрения грамматики, но различающиеся по смысловому и интонационному эффекту. При этом такие знаки могут выполнять важную роль в формировании ритма, в расстановке акцентов, в передаче экспрессии или в уточнении смысловых связей [Валгина 1979б: 36–39].

Факультативное тире часто связано с интонационной организацией речи: оно может обозначать паузу, усиливать логическое ударение или подчеркивать смысловой перелом между частями высказывания. Его употребление возникает в условиях конкуренции знаков препинания, когда на одном и том же месте возможны запятая, двоеточие или тире. В таких случаях тире обычно усиливает значение противопоставления, неожиданности или следствия, тогда как, например, запятая передает более нейтральную связь между частями предложения.

Подобное использование тире можно рассматривать как проявление экспрессивного синтаксиса, то есть таких синтаксических средств, которые усиливают выразительность высказывания и выделяют его смысловую структуру.

В поэзии М. Цветаевой тире активно участвует в организации ритма, интонации и смыслового членения высказывания, так как для ее поэзии характерна сжатость речи, а текст уплотнен до предела. Это делает знак тире важным элементом экспрессивного синтаксиса. Далее будут рассмотрены примеры факультативного употребления тире в стихотворениях цикла «Подруга», позволяющие проследить, каким образом этот знак препинания участвует в создании интонационной и смысловой структуры текста.

2.2.1 Эллиптические предложения

Среди неполных предложений отдельную группу составляют эллиптические предложения – это синтаксические структуры с нулевым предикатом, т. е. глагольное сказуемое в них отсутствует. Пропущенное сказуемое не восстанавливается из контекста, но ясно из ситуации [Береговская 2000: 57].

Смысл таких предложений выражается всей конструкцией в целом – через обстоятельства, дополнения и другие второстепенные члены, указывающие на место, время, состояние или объект действия.

Эллиптические предложения структурно самостоятельны, грамматически завершены и представляют собой норму, а не сокращение полной формы. В отличие от неполных предложений, они не нуждаются в опоре на предшествующий контекст и функционируют как устойчивые синтаксические единицы [Валгина 2003: 200–202].

Примеры таких конструкций в данном цикле встречаются в стихотворениях №1, №5, №12, №15.

Первый пример взят из стихотворения №1.

- (11) *Как грозовая туча / **Над Вами** — **грех** — / за то, что Вы язвительны и жгучи* [СС-1 1994: 216].

В данном разделе работы рассматривается только первый знак тире, который М. Цветаева поставила перед словом *грех*. В этом случае тире компенсирует нулевой предикат. Как указано в правилах пунктуации, тире может ставиться в самостоятельно употребляемых предложениях с отсутствующим сказуемым (в эллиптических предложениях) при акцентуации паузы и логического ударения [Лопатин 2009: 211].

Аналогичная постановка тире встречается в стихотворении №5, №12, №13 и №15:

- (12) *Сини подмосковные холмы, / В воздухе чуть теплом — пыль и деготь.* [СС-1 1994: 225].
- (13) *Я так и застыла взглядом: / Волос рыжеватый мех, / И кто-то высокий — рядом!* [СС-1 1994: 219].
- (14) *Сердце — лет пяти ...* [СС-1 1994: 226].
- (15) *Я вижу: мачта корабля, / И Вы — на палубе... / Вы — в дыме поезда...* [СС-1 1994: 227].
- (16) *Вечерние поля в росе, / Над ними — вороны...* [СС-1 1994: 227].

Это эллиптические предложения с нулевым предикатом. Тире в них оформляет конструкцию из двух компонентов – подлежащего и обстоятельственного – и выделяет паузу между ними. Отсутствующий член предложения в этих примерах не упоминается в предшествующем контексте.

2.2.2 Сложные предложения

Особый тип факультативного употребления тире наблюдается в сложных предложениях. В таких конструкциях тире может использоваться наряду с другими знаками препинания и зависит от интонации, смысловых отношений между частями и авторского замысла.

В сложносочиненных предложениях может стоять запятая и тире как единый знак. Подобное использование знаков пунктуации трактуется в справочнике как факультативное [Лопатин 2009: 284]. Такой пример тоже встречается в цикле «Подруга» в стихотворении №10.

- (17) *Не женщина и не мальчик, — / Но что-то сильнее меня!* [СС-1 1994: 224].

Это сложносочиненное предложение с противительным союзом *но*, в котором первая часть противопоставляется второй.

В цикле «Подруга» также встречается использование тире в сложноподчиненном предложении:

- (18) *Я испытать — куда Вам путь* [СС-1 1994: 227].

В сложноподчиненных предложениях придаточная часть отделяется, как правило, запятой [Лопатин 2009: 284]. Однако М. Цветаева ставит тире. Такое использование знака возможно при уточняющем характере [Лопатин 2009: 293].

В бессоюзных предложениях в зависимости от смысловых отношений между частями предложения могут употребляться различные знаки: запятая, двоеточие или тире. В ряде случаев выбор знака носит факультативный характер и определяется интонацией и авторским замыслом.

Такой пример представлен в стихотворении №11.

- (19) *Все проснется — только свисти / Под моим окном.* [СС-1 1994: 225].

Связь между частями сложного предложения осуществляется без союза, а смысловые отношения передаются интонацией и тире. Семантически здесь выражаются условно-следственные отношения. Поскольку вторая часть обозначает изъяснение, здесь должно стоять двоеточие, однако М. Цветаева ставит тире, что, согласно справочнику Лопатина, допустимо в художественной речи [Лопатин 2009: 297].

- (20) *Сплю весь день, весь день смеюсь, — должно быть, / Выздорабливаю от зимы* [СС-1 1994: 225].

Данное предложение представляет собой бессоюзную конструкцию, в которой первая часть включает однородные сказуемые *сплю* и *смеюсь*, а во второй

части вводное сочетание *должно быть* выражает значение предположения. Между частями предложения устанавливаются отношения вывода: действия, названные в первой части, становятся основанием для последующего предположения о выздоровлении.

В § 130 «Правилах русской орфографии и пунктуации» тире рассматривается как знак, употребляющийся при выражении отношений вывода между частями бессоюзного сложного предложения [Лопатин 2009: 298]. Н. С. Валгина также отмечает, что в бессоюзных конструкциях тире может использоваться для интонационного выделения второй части и усиления смыслового перелома [Валгина 2003: 338–340].

2.2.3 Вставные конструкции

Далее анализируется использование факультативного тире при оформлении вставных конструкций.

Функция вставных конструкций заключается в разъяснении, уточнении или дополнении основного высказывания. Будучи побочными по отношению к основной синтаксической структуре, они выделяются интонационно и нарушают единство предложения [Лопатин 2009: 268].

Существует несколько способов оформления вставных конструкций, которые различаются по степени синтаксической связности с основным предложением. В некоторых случаях вставки функционируют как члены предложения, хотя и выключены из его состава. Н. С. Валгина приводит в пример цитату А.С. Пушкина «Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) – недотрогу». В этом случае вставка (*женской*) поясняет существительное *о чести* и оформлена скобками, подчеркивающими ее пояснительный характер и второстепенность по отношению к основному высказыванию [Валгина 2003: 252].

Также вставные конструкции могут оформляться как придаточные предложения, синтаксически подчиненные основной части, но все равно нарушающие ее линейную структуру [Валгина 2003: 252].

В других случаях вставки полностью лишены грамматической связи с членами предложения и представляют собой самостоятельные пояснительные конструкции, чаще всего оформленные в форме именительного падежа. В качестве примера такой конструкции Н. С. Валгина приводит предложение из автобиографии «История моего современника» В.Г. Короленко: «В тот же день я

был уже на квартире Никитина (фамилия зятя)», где вставка носит характер автономного пояснения [Валгина 2003: 252].

Пунктуационное оформление вставных конструкций определяется степенью их синтаксической интегрированности в структуру высказывания и особенностями интонационного членения. Наиболее нейтральным способом выделения являются скобки, маркирующие второстепенный характер вставки. Однако тире выступает как более экспрессивное средство, обозначающее резкий интонационный разрыв и включающее вставную конструкцию в динамический поток речи.

О. Г. Ревзина отмечает, что в ранних сборниках М. Цветаевой вставочные конструкции представлены в сравнительно небольшом объеме, однако уже во второй половине 1910-х годов их употребление заметно активизируется, при этом наиболее характерным способом оформления становится двойное тире. Исследователь подчеркивает, что вставка формирует «двухплоскостную структуру» высказывания, при которой основной и вставной планы речи существуют одновременно. Подобная организация текста позволяет передавать внутреннее движение мысли и возвращение к исходному импульсу высказывания [Ревзина 1998:69].

В цикле «Подруга» М. Цветаева оформляет вставные конструкции с помощью тире. Такая постановка знаков встречается в цикле «Подруга» 8 раз.

Проведенный анализ материала позволяет выделить несколько типов вставных конструкций, различающихся по функции и степени связи с основным высказыванием: вставные конструкции, не связанные синтаксически с основным предложением и оформленные как самостоятельные высказывания; вставные конструкции, частично интегрированные в структуру предложения; вставные конструкции, сохраняющие грамматическую связь с основным высказыванием и выполняющие уточняющую функцию.

К первому типу относятся вставки, оформленные как самостоятельные восклицательные предложения, это примеры (21)-(29).

(21) *За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! / — Уж не спасти!*
[СС-1 1994: 216].

Так, в примере (21) вставка представляет собой самостоятельное восклицательное высказывание, не интегрированное в синтаксическую структуру предложения. Она передает аффективную реакцию говорящего и оформлена с

помощью тире, что подчеркивает внезапность эмоционального всплеска и прерывает линейное развертывание высказывания.

Аналогичное построение наблюдается и в следующих примерах:

(22) *Ничего не зная, — даже имени! — / О, люби меня, о, люби меня!* [СС-1 1994: 222].

(23) *Как трижды мне — Вы были в ярости! — / Червонный выходил король* [СС-1 1994: 221].

(24) *И глаза — кого-кого-то / Взглядом не дарят! — / Требующие отчета* [СС-1 1994: 226].

(25) *Всю тебя с твоей треклятой / Страстью — видит Бог! — / Требующую расплаты / За случайный вздох* [СС-1 1994: 226].

(26) *Взгляд — до взгляда — смел и светел* [СС-1 1994: 226].

В данных примерах вставные конструкции не входят в синтаксическую структуру предложения и оформлены как отдельные высказывания. Они передают эмоциональную реакцию, оценку или внутреннюю реплику и прерывают основное высказывание. Тире подчеркивает их интонационную самостоятельность и оформляет резкий переход от основного сообщения к вставке.

В отдельных примерах структура усложняется. Так, в (24) — *кого-кого-то / Взглядом не дарят!* — сочетает непредикативный и предикативный компоненты и уточняет характеристику «глаз», вводя дополнительное пояснение.

(27) *И еще скажу устало, / — Слушать не спеши! — / Что твоя душа мне встала* [СС-1 1994: 226].

Вставная конструкция *слушать не спеши!* оформлена как внутренняя реплика. Она прерывает основное высказывание и создает эффект диалогичности, характерный для поэтики М. Цветаевой. По своей структуре данный фрагмент может быть соотнесен с прямой речью: сочетание *скажу устало* создает впечатление, что высказывание передается как прямая речь.

Однако пунктуационное оформление не соответствует нормативной модели передачи прямой речи. Согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина, если прямая речь включена внутри авторских слов, перед ней должно ставиться двоеточие [Лопатин 2009: 304]. В рассматриваемом примере вместо двоеточия используется запятая, что не соответствует регламенту. Таким образом, конструкция не соответствует оформлению прямой речи и функционирует как вставная реплика.

В тексте вставные конструкции сохраняют необходимые знаки препинания (в этом случае восклицательный знак).

Другой тип вставной конструкции представлен в следующем примере.

(28) *Я Вас люблю. — Как грозовая туча / Над Вами — грех — / За то, что Вы язвительны и жгучи / И лучшие всех* [СС-1 1994: 216].

Вставка *Как грозовая туча / Над Вами — грех* не включена в синтаксическую структуру предложения, однако формирует метафорический образ, дополняя характеристику адресата.

Также в цикле «Подруга» представлен тип вставной конструкции, которая сохраняет грамматическую связь с основным предложением.

(29) *Я около двух секунд — / Не более — вслед глядела* [СС-1 1994: 219].

В данном случае вставка выполняет уточняющую функцию, однако оформление с помощью тире придает ей интонационную самостоятельность и выделяет длительность действия.

Вставные конструкции в цикле «Подруга» различаются по типу и функции, однако в большинстве случаев они не связаны синтаксически с основным предложением и оформляются как самостоятельные высказывания. Наиболее частотными являются восклицательные вставки, передающие эмоциональную реакцию, оценку или внутреннюю речь. Во всех рассмотренных случаях тире одновременно выполняет выделительную и структурирующую функции: создает дополнительную паузу внутри высказывания и выдвигает вставной компонент в позицию смыслового акцента.

2.2.4 Обособление определений.

Определения, стоящие в конце или внутри предложения, как нераспространенные, так и с зависимыми словами, могут отделяться знаком тире. Такие определения имеют пояснительно-уточняющее значение: *От результатов этой борьбы зависит, в конечном счете, человеческое счастье — настоящее и будущее* (Аст.); *Каждый раз, когда я возвращаюсь с ловли, коты всех мастей — рыжие, черные, седые и белые с подпалинками — берут дом в осаду* (Пауст.) [Лопатин 2009: 234–235].

Подобная постановка знаков встречается в цикле «Подруга» 3 раза.

(30) *Скоро месяц — юн и тонок — / Сменит алую зарю.* [СС-1 1994: 220].

Здесь определение *юн и тонок*.

(31) *Я помню, с каким вошли Вы Лицом — без малейшей краски* [СС-1 1994: 223].

(32) *А во второй — другой — Тонкую бровь дугой,* [СС-1 1994: 228].

2.2.5 Знак тире при обособленных обстоятельствах.

Обстоятельства, выраженные существительными, могут выделяться тире при наличии необходимости их интонационного и смыслового подчеркивания. Согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина, тире в подобных случаях выполняет функцию выделения и используется для оформления присоединительных или уточняющих компонентов высказывания. Ср.: *При нашей последней встрече Олег попросил принести общую тетрадь с жесткими «корочками» — для конспектирования лежа (газ.); Оно [творческое воображение] создало науку и литературу. И — на большой глубине — во многом совпадают между собой творческое воображение хотя бы Гершеля, открывшего величественные законы звездного неба, и творческое воображение Гете, создавшего «Фауста»* (Пауст.) [Лопатин 2009: 248].

В цикле «Подруга» М. Цветаевой подобное употребление тире фиксируется 4 раза.

(33) *И гладила длинный ворс / На шубке своей — без гнева.* [СС-1 1994: 219].

Без гнева является уточняющим обстоятельством образом действия выраженным существительным в косвенном падеже.

Далее, обособленное обстоятельство встречается в стихотворениях №3 и №10:

(34) *Так простояла я — в тумане — / Далекая добру и злу,* [СС-1 1994: 218].

(35) *Я помню — над синей вазой — / Как звякнули наши рюмки.* [СС-1 1994: 224].

Здесь *над синей вазой* и *в тумане* являются уточняющими обстоятельствами места.

В стихотворении №16 встречается аналогичное обособление двух обстоятельств места:

(36) *Звон — под конем — кремня,
Стройный прыжок с коня,
И — в самоцветных зернах —
Два челночка узорных.* [СС-1 1994: 228].

В этой строфе обстоятельствами являются *под конем* и *в самоцветных зернах*.

Выделение обстоятельств с помощью тире не сводится к выражению уточняющих отношений, а обусловлено поэтической установкой на дробление синтаксической структуры и акцентирование отдельных образных деталей. В результате тире переводит обстоятельство из разряда второстепенных членов предложения в позицию логического акцента высказывания. Такое употребление соответствует общей тенденции поэтики М. Цветаевой к синтаксической фрагментации и экспрессивной организации текста.

2.2.6 Тире в функции выделения

В справочнике под ред. В. В. Лопатина выделяется еще один случай факультативного употребления тире – после сочинительных союзов и их сочетаний с частицами: *И вот — речка (Крут.)*; *Я имею бумаги... но — они никуда не годятся* (Г.) [Лопатин 2009: 212].

Подобный пример встречается у М. Цветаевой в стихотворении №2:

(37) *И все-таки — что ж это было?* [СС-1 1994: 217].

В данной позиции М. Цветаева использует тире, которое заменяет запятую и выполняет функцию интонационного выделения, усиливая паузу и расчленяя высказывание на отдельные смысловые компоненты. Оно подчеркивает переход к риторическому вопросу и способствует акцентному выделению союзного сочетания *и всё-таки*.

2.2.7 Тире при повторяющихся членах предложения

(38) *С желанной и дорогой, — / Сильнее, чем я — желанной.*
[СС- 1 1994: 219].

В примере (38) рассматривается первое тире перед словом *Сильнее*. Данный знак поставлен, так как есть повторяющиеся члены предложения *желанной* и *желанной* со сравнительным союзом *чем*. Согласно справочнику под ред. В. В. Лопатина Повторяющиеся члены предложения с союзом *и* при резком подчеркивании их смысла отделяются знаком тире: *Уходите — и побыстрее уходите*; *Нам нужна победа — и только победа* [Лопатин 2009: 229].

Выводы к разделу 2.2 Факультативные тире

В результате анализа факультативных тире в цикле «Подруга» М. Цветаевой было установлено, что данный знак препинания активно участвует в организации

экспрессивного синтаксиса поэтического текста. Всего в разделе было рассмотрено 28 контекстов факультативного употребления тире.

Наиболее многочисленную группу факультативных тире в цикле «Подруга» составляют вставные конструкции (9 примеров из 25). М. Цветаева систематически использует тире вместо скобок для включения вставной реплики в основной поток речи. В результате вставка не изолируется от высказывания, а, напротив, становится его эмоционально значимой частью. Это создает эффект внутреннего комментария, внезапного уточнения или скрытого диалога внутри поэтической речи.

Значительную группу составляют также эллиптические предложения. В этих конструкциях тире компенсирует отсутствие сказуемого, фиксирует синтаксическую неполноту и одновременно усиливает прерывистость и напряженность речи. Благодаря этому пауза приобретает одновременно грамматическую и экспрессивную функции.

Факультативное тире при обособленных обстоятельствах (4 примера) и определениях (3 примера) также служит средством экспрессивного синтаксиса. С помощью тире акцентируется зависимый компонент, усиливает его интонационное выделение и создает дополнительную паузу внутри строки. Подобные конструкции способствуют перераспределению смысловых акцентов и формируют характерную для М. Цветаевой напряженную ритмико-синтаксическую структуру стиха.

Отдельно в разделе рассматривается единичный пример тире в функции выделения после союзного сочетания. В этом случае знак не связан с пропуском члена предложения или с резким переходом между действиями, а служит для интонационного выделения начального союзного сочетания и усиления паузы перед риторическим вопросом.

Факультативное тире в цикле «Подруга» функционирует в разных синтаксических позициях и выполняет сразу несколько взаимосвязанных функций: членит высказывание, усиливает паузу, акцентирует отдельные компоненты фразы и создает дополнительные смысловые оттенки. Анализ количественного распределения примеров показывает, что наиболее часто факультативное тире используется во вставных конструкциях, однако высокая частотность его употребления в эллиптических конструкциях, сложных предложениях и при обособленных обстоятельствах свидетельствует о многофункциональности данного знака в поэтическом синтаксисе М. Цветаевой. Следовательно, именно в сфере факультативной пунктуации особенно проявляется взаимодействие

нормативных возможностей русской пунктуации и индивидуальной поэтической манеры М. Цветаевой, для которой тире становится средством экспрессивной организации поэтического текста.

2.3 Авторские тире

В цикле «Подруга» помимо обязательных и факультативных знаков тире представлены также и авторские тире – нерегламентированные знаки препинания. В данной работе под авторскими тире понимаются случаи употребления тире, которые не выводятся непосредственно из нормативных правил и не сводятся к факультативной вариативности при сохранении синтаксической конструкции. В поэтическом тексте такие тире маркируют намеренный интонационный разрыв, усиливают паузацию и нарушают ожидаемые синтаксические связи, становясь средством экспрессивной организации высказывания.

В этом разделе будут рассмотрены примеры авторских тире, при которых нарушается привычная синтаксическая слитность компонентов предложения.

2.3.1 Авторское тире в диалогическом контексте.

В ряде примеров цикла «Подруга» авторское тире используется в конструкциях, имитирующих диалогическую организацию высказывания: текст разделяется на отдельные реплики, оформляющие чередование вопросов и реакций, что придает высказыванию характер внутреннего диалога. Подобные случаи описываются в работах Н. С. Валгиной как проявление индивидуально-авторской пунктуации, при которой знак приобретает стилистическую значимость и участвует в организации экспрессивного синтаксиса.

Н.С. Валгина, рассуждая о таких случаях авторской пунктуации в учебнике «Современный русский язык: Синтаксис», не рассматривает это как нарушение правил, а подчеркивает, что подобное употребление тире связано с особенностями авторского стиля. Также она пишет: «Возможности индивидуального использования тире особенно заметны у авторов, склонных к сжатости речи, скупых на словесные средства выражения. Например, уплотненный до предела текст М. Цветаевой часто содержит лишь смысловые ориентиры, те ключевые слова, которые не могут быть восстановлены, все же другие элементы высказывания опускаются, так как в данном случае не несут главной мысли» [Валгина 2003: 405]. Далее Н.С. Валгина приводит в пример отрывок из стихотворения 1923 г. М. Цветаевой «Поезд жизни»:

Площадка. — И шпалы. — И крайний куст

В руке. — Отпускаю. — Поздно

Держаться. — Шпалы... [СС-2 1994: 231]

В данном отрывке тире расчленяет высказывание на отдельные интонационные отрезки, превращая каждую синтагму в самостоятельный смысловой элемент. Подобная организация текста наблюдается и в анализируемых примерах цикла «Подруга».

Наиболее близкая организация высказывания наблюдается в примере (43).

(39) *Что это было? — Чья победа? — / Кто побежден?* [СС-1 1994: 217].

Здесь тире разграничивает последовательность вопросов, оформляя их как отдельные интонационные отрезки. Конструкция могла бы быть передана без тире, однако М. Цветаева вводит его для усиления паузации и подчеркивания прерывистого характера мысли. В результате текст воспринимается как внутренний диалог.

Схожая постановка знаков встречается в примерах (40)-(43), однако характер связей между частями высказывания в них различен.

(40) *Вы счастливы? — Не скажете! Едва ли!* [СС-1 1994: 216].

(41) *Кто был охотник? — Кто — добыча?* [СС-1 1994: 217]. (Здесь анализируется знак тире перед вопросительным местоимением *Кто*).

(42) *Спутники твои ревнивы? — Кони кровные легки!* [СС-1 1994: 220].

(43) *И идите себе ... — Вы тоже, / И Вы тоже, и Вы.* [СС-1 1994: 228].

В данных случаях тире обозначает переход от вопроса или высказывания к последующей реплике, которая воспринимается как ответ, реакция или уточнение. Такое членение придает конструкции диалогический характер и подчеркивает разорванность речи.

В четвертом стихотворении цикла «Подруга» три предложения начинаются с тире. В этих примерах знак выделяет последующую часть высказывания в отдельный интонационный план.

(44) *И было лень вставать из кресел. / — А каждый Ваш грядущий день / Моим весельем был бы весел.* — [СС-1 1994: 218].

(45) *Идти так поздно в ночь и холод. / — А каждый Ваш грядущий час / Моим весельем был бы молод* — [СС-1 1994: 218].

(46) *Невинно и непоправимо. / — Я Вашей юностью была, / Которая проходит мимо.* [СС-1 1994: 218].

На первый взгляд, данные конструкции могут восприниматься как оформление прямой речи, поскольку тире в них занимает позицию, характерную для реплики, и сопровождается интонационным расчленением высказывания.

Однако отсутствие формальных признаков прямой речи (вводящих слов, двоеточия, кавычек) не позволяет интерпретировать их таким образом. В данном случае знак не вводит чужое высказывание, а выделяет вторую часть как самостоятельный смысловой план. Она не продолжает предшествующую мысль, а соотносится с ним как переосмысление или внутренняя оценка.

- (47) — *О, светская, с кольцом опаловым*
Рука! — О, вся моя напасть! —
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть! [СС-1 1994: 221].

Здесь в примере (47) тире организует цепь восклицательных реплик, каждая из которых оформляется как отдельный интонационный отрезок. Многократное использование тире усиливает экспрессивность высказывания и передает прерывистость эмоциональной речи.

- (48) *Есть женщины. — Их волосы, как шлем,*
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. — Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка? [СС-1 1994: 227].

В примере (48) тире разделяет текст на самостоятельные синтаксические отрезки. Оно не фиксирует обязательных грамматических отношений, а выполняет структурирующую функцию, выделяя отдельные интонационные блоки. Такое членение сближает высказывание с формой внутреннего монолога, где мысль развивается прерывисто, через последовательность интонационно завершенных фрагментов.

В данных примерах тире используется для смыслового и интонационного выделения отдельных частей предложения. В одних случаях оно создает эффект диалога, в других — подчеркивает самостоятельность второй части, не оформляя ее как прямую речь. Это позволяет усилить выразительность текста и акцентировать отдельные смысловые элементы.

2.3.2 Тире между подлежащим и именной частью сказуемого, выраженного прилагательным.

В поэтическом тексте М. Цветаевой встречаются конструкции, в которых тире ставится между подлежащим и именной частью сказуемого, выраженной прилагательным. Согласно правилам пунктуации, в подобных конструкциях тире не ставится, поскольку связь между подлежащим и именным сказуемым не требует

дополнительного графического выделения. Однако в цикле «Подруга» тире используется и в тех конструкциях, где нормативная пунктуация обычно его не предполагает, что связано с задачами смыслового и интонационного членения текста.

Подлежащее и сказуемое образуют предикативное ядро, представляющее собой наиболее тесно связанную грамматическую структуру. Постановка тире внутри грамматической основы ослабляет связь между ее компонентами и усиливает предикативность высказывания.

Особенности функционирования тире в данных конструкциях связаны с грамматической природой прилагательного. Согласно статье Г. И. Кустовой, прилагательные «в современном языке занимают промежуточное положение между именной и предикатной лексикой». В позиции именной части прилагательное сказуемого не только называет признак, но и выполняет предикативную функцию. Кроме того, качественные прилагательные, преобладающие в анализируемых примерах, обозначают градуируемые признаки, то есть признаки, соотносимые со шкалой интенсивности. Такая семантика делает их особенно значимыми в предикативной позиции, поскольку именно они часто несут основную смысловую нагрузку высказывания [Кустова 2018].

Важную роль играет ритмико-интонационный аспект. Л. В. Зубова указывает, что в поэзии М. Цветаевой тире выступает как средство ритмической паузы, создающее дополнительное смысловое напряжение и интонационно выделяющее отдельные элементы высказывания. Тире у М. Цветаевой отделяет синтаксические компоненты и организует ритм строки, подчеркивая семантически значимые элементы [Зубова 2017: 25–26].

Рассматриваемые случаи можно сгруппировать в зависимости от семантики прилагательного и характера его актуализации.

(49) *Чугунный обод на руке бескровной — Красноречив!* [СС-1 1994: 216].

В данном примере краткое прилагательное *красноречив* выполняет функцию именной части сказуемого и передает оценочную характеристику. Высказывание разделяется тире на две части: сначала представлен предметный образ, затем следует его интерпретация.

Краткая форма прилагательного в современном русском языке связана прежде всего с предикативной функцией. В такой позиции признак выступает как основная характеристика предмета [Кустова 2018].

Тире разрывает грамматическую основу, тем самым нарушая их грамматическую слитность и выдвигая сказуемое в позицию смыслового центра. Также тире оформляет паузу, в которой происходит переосмысление образа *чугунного обода*.

Аналогичное использование тире в примере (50):

(50) *Все глаза под солнцем — жгучи* [СС-1 1994: 225].

В данном случае тире также разъединяет предикативную связь, акцентируя сказуемое.

(51) *За то, что мы, что наши жизни — разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок* [СС-1 1994: 216].

В примере (51) сказуемое, выраженное кратким прилагательным *разны*, входит в состав придаточного предложения *что наши жизни — разны*. Предикативная основа *жизни — разны* не является самостоятельной, а включена в более сложную синтаксическую структуру.

Дополнительное значение создается за счет строфической организации текста. Сказуемое *разны* завершает строку, а последующий компонент *во тьме дорог* переносится в следующую строку, что формирует эффект задержки и усиливает смысловую нагрузку предикативного признака. Как отмечает Н. В. Жильцова, положение последних строк и сам факт завершения стихотворения заставляют читателя воспринимать концовку как обобщение и смысловый итог текста [Жильцова 1996: 356]. В данном контексте сказуемое *разны*, занимающее сильную ритмическую позицию в конце строки, становится ключевым интонационным центром. Тире участвует в ритмико-синтаксической организации строфы и выделяет сказуемое как важнейший компонент причинной конструкции (*за то, что...*).

(52) *Но тоска во мне — слишком вечная*, [СС-1 1994: 222].

(53) *Голова до прелести пуста, / Оттого что сердце — слишком полно!*
[СС-1 1994: 225].

В примерах (52) и (53) прилагательные *вечная*, *полно* сопровождаются интенсификатором *слишком*, что соотносится с описанной Кустовой способностью качественных прилагательных выражать степень признака. [Кустова 2018].

Тире в таких конструкциях усиливает градуальную семантику признака: оно отделяет сказуемое и подчеркивает интенсивность. Таким образом, графическое расчленение предикативной структуры соответствует смысловой организации высказывания.

(54) *С желанной и дорогой, — / Сильнее, чем я — желанной*
[СС- 1 1994: 219].

В примере (54) далее рассматривается второе тире в строке *Сильнее, чем я — желанной*.

Во всех рассмотренных случаях ставится внутри предикативной основы предложения и приводит к нарушению связи между подлежащим и сказуемым. В результате сказуемое приобретает относительную самостоятельность и становится основным носителем смысла. Наряду с этим тире выполняет ритмико-интонационную функцию: оно оформляет паузу и участвует в организации поэтической строки, в ряде случаев взаимодействуя со строфической структурой и усиливая значимость сказуемого.

2.3.3 Творительный падеж

При анализе случаев постановки тире перед словоформами творительного падежа в поэзии М. Цветаевой используется работа А. П. Печеного «Творительный падеж», в которой эта падежная форма рассматривается как семантически многозначная и структурно неоднородная. Творительный падеж представлен не как носитель одного инвариантного значения, а как система взаимосвязанных семантических ролей, включающая, помимо инструментального значения, значения способа действия, признака, аспекта, сравнения, ориентации, а также предикативные и депиктивныe употребления [Печеный 2012].

Подобная разветвленность значений обуславливает его высокую семантическую емкость и способность к функциональному смещению, в том числе к сближению с наречными формами при сохранении предметной семантики.

В цикле «Подруга» в стихотворении №9 есть примеры, где тире взаимодействует с формами творительного падежа, что приводит к особенно выразительному эффекту: грамматически зависимый элемент приобретает относительную самостоятельность и воспринимается как смысловой центр высказывания.

(55) *Чтоб была ты мне — первой встречною* [СС-1 1994: 222].

Форма *первой встречной* выступает как именная часть сказуемого, то есть представляет собой случай творительного предикативного. В нормативной конструкции подобное сочетание не требует пунктуационного оформления, однако М. Цветаева вводит тире, разграничивая связь между глаголом-связкой и именной частью.

(56) *Вижу я по губам — извилиной* [СС-1 1994: 222].

Словоформу *извилиной* можно интерпретировать как употребление творительного падежа в функции сравнения. В системе А. П. Печеного творительный сравнения и ориентации выделяется как особая семантическая зона, связанная с именованием формы и эталоном сравнения [Печеный 2012].

У М. Цветаевой сначала называются *губы*, затем после паузы – контур. Тире здесь усиливает изобразительность и делает словоформу смысловым акцентом высказывания, в результате чего *извилиной* читается почти как отдельный визуальный штрих.

(57) *Платье — шелковым черным панцирем, / Голос с чуть хрипотцой цыганской*, [СС-1 1994: 223].

В строке *Платье — шелковым черным панцирем*, реализуется эллиптическая конструкция с пропуском глагольной связки. Именная часть сказуемого выражена формой предикативного творительного (*панцирем*). Несмотря на то, что постановка тире в данной конструкции соответствует модели эллиптического предложения, в поэтическом контексте знак приобретает дополнительную выразительность, акцентируя форму предикативного творительного.

(58) *Это сердце берется — приступом!* [СС-1 1994: 222].

Тире отделяет форму творительного падежа *приступом* от глагола *берется*. Словоформа *приступом* выражает способ действия и входит в состав устойчивого фразеологического сочетания *взять приступом* (СВ) / *брать приступом* (НСВ). Данные глагольные формы представляют собой видовую пару, при этом именно сочетание с существительным в форме творительного падежа является устойчивым и воспроизводимым в языке как единое семантическое целое со значением «овладеть штурмом».

У М. Цветаевой тире нарушает эту слитность и выдвигает форму *приступом* в самостоятельную позицию. В контексте предшествующих деталей (*губы извилиной, надбровные выступы*) она воспринимается как основная характеристика действия, на которую переносится смысловой акцент высказывания.

В стихотворении №7:

(59) *Как рыжие поддевки — парусом, / Божась, сбывали нам тряпье*
[СС- 1 1994: 220].

В этом случае реализуется значение творительного сравнения. В нерасчлененном варианте связь между *поддѣвки* и *парусом* была бы теснее; тире же разделяет строку так, что *парусом* воспринимается как отдельный зрительный образ. В этом смысле конструкция работает почти так же, как и в примере *по губам — извилиной*: форма творительного падежа не просто характеризует предмет, а предъявляет его в новой образной перспективе. В итоге сцена на *рождественском рынке* получает резкость и динамичность: товар не просто показывают, а как бы распускают перед глазами *парусом*.

Если сопоставить все пять примеров, видно, что тире в сочетании с формами творительного падежа функционирует не одинаково, но по общей модели. В конструкции с предикативным творительным (*первой встречною; панцирем*) оно усиливает значение именной части сказуемого и интонационно выделяет ее; в сочетании со значением способа действия (*приступом*) тире переносит акцент на характеристику самого действия; в случаях творительного сравнения (*извилиной; парусом*) отделяет образную характеристику от определяемого слова и делает ее самостоятельным элементом восприятия.

Таким образом, тире перед формами творительного падежа у М. Цветаевой выполняет функцию перераспределения смысловых акцентов внутри высказывания и тем самым участвует в организации экспрессивного синтаксиса.

2.3.4 Тире при уточняющих, пояснительных и присоединительных членах предложения.

Простое предложение может осложняться уточняющими, пояснительными и присоединительными членами, которые объединяются общей выделительной интонацией и функцией добавочного сообщения. Как отмечает Н. С. Валгина, такие компоненты дополнительно характеризуют различные члены предложения и могут по-разному конкретизировать основное высказывание [Валгина 2003: 242].
Уточняющие члены сужают или ограничивают значение уточняемого компонента, пояснительные выступают как второе наименование уже названного понятия, а присоединительные добавляются к предложению как попутное замечание, возникающее в связи с содержанием основного высказывания [Валгина 2003: 243–244].

В рассматриваемом примере (60) реализуется именно присоединительная конструкция:

- (60) *Всё в тебе мне до боли нравится, — / Даже то, что ты не красавица!*
[СС-1 1994: 222].

Компонент *даже то, что ты не красавица* не сужает значение какого-либо слова, как уточнение, и не является вторым наименованием уже названного понятия, как пояснение. Он присоединяется к основной части *Все в тебе мне до боли нравится* как добавочное замечание. На присоединительный характер конструкции указывает частица *даже*, которую Н. С. Валгина относит к средствам связи присоединительных членов предложения [Валгина 2003: 244].

С точки зрения нормативного оформления присоединительный компонент мог бы быть выделен запятой. В справочнике под ред. В. В. Лопатина указывается, что присоединительные члены предложения имеют характер добавочных сведений и обычно выделяются запятыми; при этом возможно и выделение таких компонентов при помощи тире, особенно в конечной позиции [Лопатин 2009: 255]. Однако в строке М. Цветаевой используется сочетание запятой и тире: *нравится, — / Даже то....* Запятая уже отделяет присоединительный компонент от основной части, тогда как тире усиливает паузу и акцентирует вторую часть высказывания.

2.3.5 Тире перед дополнением.

- (61) С какою бережностью вставили / В подсвечник — желтую
свечу... [СС- 1 1994: 221].
- (62) Вы вынули длинным жестом / И выронили — платок. [СС- 1 1994:
224].

В данных примерах тире ставится перед зависимым компонентом, который в нормативной конструкции не требует дополнительного выделения. Знак интонационно выделяет дополнение и усиливает его смысловую значимость

2.3.6 Тире перед обстоятельством.

- (63) *Всё тебе — наугад — простила я* [СС-1 1994: 222].

Наугад – наречие, которое в предложении выполняет функцию обстоятельства образа действия. Обстоятельственный компонент интонационно обособляется и получает дополнительную смысловую значимость. Пауза с двух сторон усиливает значение случайности действия.

2.3.7 Отдельные случаи авторского употребления тире

В цикле «Подруга» встречаются также отдельные случаи авторского употребления тире, не образующие самостоятельной структурной группы. В подобных примерах тире используется в индивидуальных синтаксических позициях и связано прежде всего с интонационным выделением отдельных компонентов высказывания.

(64) *За эту ироническую прелесть, / Что Вы — не он.* [СС-1 1994: 216].

Тире поставлено между подлежащим и сказуемым, между местоимениями и перед отрицательной частицей *не*. Согласно справочнику «Русская орфография и пунктуация» Д. Э. Розенталя и И. Б. Голуб, тире не ставится, если перед сказуемым стоит отрицание *не* [Розенталь 1990: 104]. Также в справочнике В. В. Лопатина указано, что тире не ставится, если подлежащее выражено личным местоимением [Лопатин 2009: 208]. Однако в поэтическом тексте М. Цветаевой тире появляется и в данной конструкции, акцентируя противопоставление

(65) Стихотворение №10:

*С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, —
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.* [СС-1 1994: 224].

Пример (65) представляет собой двусоставное предложение, осложненное причастным и деепричастным оборотами. М. Цветаева с помощью тире отделяет распространенный оборот *глядявшим косо, / Уже предвкушая стычку* от основной предикативной части *я полулежала в кресле*. Постановка тире в данной позиции не регламентируется нормативными правилами пунктуации.

Знак интонационно выделяет предшествующий фрагмент и усиливает паузу внутри синтаксически связанной конструкции. Благодаря этому описание собеседника приобретает относительную самостоятельность и акцентируется перед основной частью предложения.

(66) *Ненаписанных стихов — не жаль!* [СС-1 1994: 225].

Данное предложение построено на сочетании зависимого компонента *ненаписанных стихов* с предикативом категории состояния *не жаль*. Постановка тире между ними не регламентируется нормативными правилами пунктуации и не связана с пропуском какого-либо члена предложения.

Тире создает паузу между зависимым компонентом и интонационно выделяет предикатив *не жаль*, который получает дополнительное акцентирование.

Подобное употребление знака связано с экспрессивной организацией фразы и соответствует описанным Н. С. Валгиной случаям авторского интонационного тире [Валгина 2003: 401–405].

Выводы к разделу 2.3 Авторские тире

Авторские тире в цикле «Подруга» являются одним из ключевых элементов экспрессивного синтаксиса М. Цветаевой. В отличие от обязательных и факультативных случаев постановки тире, данные конструкции отражают индивидуально-авторский принцип организации поэтической речи

Всего в данном разделе было рассмотрено 28 контекстов авторского употребления тире. Наиболее частотными являются конструкции, имитирующие диалогическую организацию речи (10 примеров). В подобных случаях тире разделяет монолог на отдельные интонационные импульсы, моделирует внутренний диалог и выделяет самостоятельные смысловые планы внутри высказывания. Особенно показательны конструкции, графически сближающиеся с прямой речью, но не имеющие ее формальных признаков: тире в них обозначает не передачу чужого слова, а смену речевого плана и внутреннее движение мысли.

Значительную группу составляют случаи постановки тире внутри предикативной основы (6 примеров) между подлежащим и именной частью сказуемого, выраженного прилагательным. В подобных конструкциях тире ослабляет связь между компонентами предикативной основы и интонационно выделяет сказуемое, усиливая выразительность признака или оценки.

Анализ конструкций с творительным падежом (5 примеров) выявил аналогичную тенденцию: тире интонационно выделяет зависимый компонент и усиливает его выразительность.

Отдельные случаи употребления авторского тире связаны с присоединительными конструкциями и интонационным выделением зависимых компонентов или распространенных оборотов. В подобных примерах тире усиливает паузу внутри фразы и перераспределяет смысловые акценты высказывания.

В цикле «Подруга» тире следует рассматривать не как совокупность отдельных отклонений от нормы, а как устойчивый принцип поэтического синтаксиса М. Цветаевой. Функция тире заключается в создании паузы, при которой грамматическая связь ослабевает, а отдельный компонент высказывания получает повышенную смысловую значимость. Именно поэтому авторские тире

становятся одним из важнейших средств организации экспрессивного синтаксиса в поэтическом тексте М. Цветаевой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено анализу употребления тире в цикле «Подруга» (1914–1915) М. Цветаевой. В работе рассмотрены три группы употребления тире: обязательные, факультативные и авторские случаи постановки знака. Такое разграничение позволило проследить постепенное усложнение функций тире в поэтическом тексте – от нормативно обусловленного оформления синтаксической структуры до индивидуально-авторского использования знака как средства экспрессивного синтаксиса.

В ходе исследования было рассмотрено 66 контекстов употребления тире в цикле «Подруга» (см. Таблица 1). Количественное соотношение различных типов употребления тире показывает, что в цикле «Подруга» преобладают факультативные и авторские случаи постановки знака, тогда как обязательные тире представлены значительно реже. Подобное распределение свидетельствует о том, что для поэтического синтаксиса М. Цветаевой наиболее значимыми оказываются не нормативные функции тире, а его интонационные, ритмические и смыслообразующие возможности.

Рассмотрение обязательных тире показало, что даже при высокой степени пунктуационной индивидуальности поэтический текст М. Цветаевой сохраняет нормативную синтаксическую основу. Показательно, что при наличии большого количества неполных конструкций в цикле «Подруга» отсутствуют случаи обязательного употребления тире в составе сложных предложений, что связано с синтаксической компрессией и фрагментарностью поэтической речи М. Цветаевой.

Разбор факультативных тире позволил установить, что именно в сфере пунктуационной вариативности наиболее отчетливо проявляется взаимодействие нормативной системы русской пунктуации и индивидуально-авторской поэтической манеры М. Цветаевой. Количественное распределение примеров показывает, что наиболее активно факультативное тире используется в конструкциях, связанных с внутренним членением высказывания и интонационным выделением отдельных компонентов фразы.

Наиболее значимой частью исследования стал анализ авторских тире.

Одним из основных принципов авторского употребления тире у М. Цветаевой является постановка знака внутри предикативной основы. Благодаря

этому тире ослабляет привычные грамматические связи между компонентами предложения и выделяет отдельные слова или синтаксические элементы как интонационные центры высказывания. Наиболее ярко данная тенденция проявляется в конструкциях с именной частью сказуемого, выраженной прилагательным, а также в примерах с творительным падежом, где тире выделяет признак, оценку или образный компонент.

Кроме того, исследование показало тесную связь авторского тире с ритмико-интонационной организацией поэтического текста. Во многих случаях тире взаимодействует со строфической структурой, переносом строки и сильными позициями внутри стихотворения. Знак организует движение поэтической речи, создает эффект задержки, прерывистости или внутреннего перелома мысли. Особенно значимыми в этом отношении являются конструкции, имитирующие диалогическую речь или внутренний монолог. В подобных примерах тире разделяет высказывание на отдельные интонационные фрагменты, моделирует внутренний диалог и смену речевого плана.

Проведенный анализ подтверждает наблюдения Н. С. Валгиной о связи авторского тире со стремлением к «сжатости речи» и опущению промежуточных элементов высказывания [Валгина 2003: 405]. Исследование также подтвердило выводы Л. В. Зубовой о тесной связи пунктуации с ритмико-интонационной организацией поэтического текста.

Нормативное и индивидуально-авторское употребление тире в поэзии М. Цветаевой не противопоставляются друг другу как взаимоисключающие явления. Напротив, авторская пунктуация формируется на основе нормативной системы русской пунктуации и развивается через расширение ее интонационных и смысловых возможностей. Даже в тех случаях, когда тире выходит за пределы обязательного употребления, оно сохраняет связь с синтаксической структурой высказывания и становится средством ее художественного переосмысления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береговская 2000: *Береговская Э.М., Верже Ж.-М.* Занятная риторика. М., 2000. С. 57
2. Валгина 1978а: *Валгина Н.С.* Что такое авторская пунктуация? // *Русская речь.* М., 1978. № 1. С. 48–56.
3. Валгина 1978б: *Валгина Н.С.* Стилистическая роль знаков препинания в поэзии Марины Цветаевой // *Русская речь.* М., 1978. № 6. С. 58–66.
4. Валгина 1979а: *Валгина Н.С.* Русская пунктуация: принципы и назначения. М., 1979.
5. Валгина 1979б: *Валгина Н.С.* Понятие факультативности применительно к употреблению знаков препинания // *Современная русская пунктуация.* М., 1979. С. 35–46
6. Валгина 2003: *Валгина Н.С.* Современный русский язык: Синтаксис. М., 2003.
7. Войтехович 2008: *Войтехович Р.С.* Марина Цветаева и античность. М.-Тарту, 2008.
8. Дымарский 2021: *Дымарский М.Я.* Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил // *Язык и метод.* № 7. Краков., 2021. С. 23–33.
9. Жильцова 1996: *Жильцова В. В.* Композиционно-поэтическая функция тире в поэзии Марины Цветаевой. // *Язык как творчество.* М., 1996 С. 353–362
10. Коркина 1990: *Коркина Е.Б.* Поэтический мир Марины Цветаевой // *Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы Л., 1990* С. 10-11
11. Зубова 1999: *Зубова Л. В.* Язык поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология). СПб., 1999.
12. Зубова 2017: *Зубова Л. В.* Поэтический язык Марины Цветаевой. СПб., 2017.
13. Лопатин 2009: *Валгина Н.С., Еськова Н. А., Иванова О. Е., Кузьмина С. М., Лопатин В. В., Чельцова Л. К.* Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2009

14. Орлов 1965: *Орлов В.Н.* Марина Цветаева: Судьба, характер, поэзия // Цветаева М. Избранные произведения. М. – Л., 1965. С. 5—54.
15. Печеный 2012: *Печеный А. П.* Творительный падеж // «Русская корпусная грамматика». 2012. (Эл. ресурс: [http://rusgram.ru/Творительный падеж](http://rusgram.ru/Творительный_падеж) 18.04.2026).
16. Розенталь 1990: *Розенталь Д.Э., Голуб И.Б.* Русская орфография и пунктуация. М., 1990.
17. Ревзина 1998: *Ревзина О.Г.*, Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. М., 1998. С.3-6
18. Саакянц 1997: *Саакянц А.А.* Марина Цветаева: жизнь и творчество.
19. Саакянц 2002: *Саакянц А.А.* Жизнь Цветаевой. М., 2002. С. 72-85.
20. Сальваторе 2018: *Сальваторе Р.* Рифма в «поэзии слова» М. Цветаевой (на материале стихотворения 1935 г. «Небо — синей знамени!») // ВЕСТНИК Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: 54 . М., 2018. С. 70-78
21. СС1: *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина М., 1994.
22. СС2: *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. М., 1994.
23. Эйзенштейн 2002: *Эйзенштейн С. М.* Психологические вопросы искусства. Под ред. Е. Я. Басина. М., 2002. С. 286

KOKKUVÕTE

Autorile omane kirjavahemärgistus ja ekspressiivse süntaksi elemendid

Marina Tsvetajeva luules

Käesolev bakalaureusetöö käsitleb autorile omast kirjavahemärgistust M. Tsvetajeva luuletsükli „Sõbranna“ (1914–1915). Töö keskendub mõttekriipsu rollile ekspressiivse süntaksi elemendina poeetilises tekstis. Uurimuse eesmärk oli välja selgitada mõttekriipsu kasutamise eripärad M. Tsvetajeva tsükli „Sõbranna“ ning määrata, millist rolli mängib see märk poeetilise teksti ekspressiivse süntaksi kujundamisel.

Töö teoreetiline osa käsitleb autorile omase kirjavahemärgistuse ja ekspressiivse süntaksi uurimise peamisi käsitlusi vene keeleteaduses. Teoreetilise alusena kasutatakse peamiselt N. Valgina, V. Lopatini ja D. Rosenthali töid, samuti L. Zubova uurimusi Marina Tsvetajeva poeetilise keele kohta.

Uurimismaterjaliks valiti 17 luuletust tsüklist „Sõbranna“, milles analüüsiti kokku 66 mõttekriipsu kasutusjuhtu. Töös rakendati pideva valimi meetodit, struktuur-süntaktilist analüüsi ning funktsionaal-stilistilist tekstianalüüsi.

Analüüsi käigus jaotati mõttekriipsu kasutus kolmeks põhirühmaks: kohustuslikud, fakultatiivsed ja autoripärased kasutusjuhud. Kohustuslike mõttekriipsude käsitlemine näitas, et isegi tugevalt individuaalse poeetilise kirjavahemärgistuse korral säilib M. Tsvetajeva luules normatiivne süntaktiline alus. Samas ilmnes, et luuletustele on iseloomulik süntaktiline kompressioon ja katkeline lausestus, mistõttu puuduvad tsükli mitmed normatiivsele keerulausele omased konstruktsioonid.

Kõige olulisemad tulemused saadi autoripäraste mõttekriipsude uurimisel. Selgus, et M. Tsvetajeva kasutab mõttekriipsu sageli predikatiivse aluse sees, ja konstruktsioone. Eriti selgelt avaldub see nimisõnalise öeldistäite ja omadussõnaliste konstruktsioonide puhul, samuti instrumentaaliga kujundlikes väljendites.

Uurimus kinnitas ka mõttekriipsu tihedat seost luuletuse rütmilise ja intonatsioonilise ülesehitusega. Mõttekriips loob katkestuse, pausi või sisemise mõttemurrangu efekti ning osaleb poeetilise kõne dünaamika kujundamises. Mitmes näites aitab see edasi anda sisemonoloogi või dialoogilise kõne eripära.

Töö tulemused kinnitavad, et autorile omane kirjavahemärgistus M. Tsvetajeva loomingus ei vastandu normatiivsele süsteemile, vaid kujuneb selle alusel, laiendades

kirjavahemärkide intonatsioonilisi ja semantilisi võimalusi. Mõttekriips muutub seega oluliseks poeetilise väljenduse vahendiks.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, *Vera Filjajeva*,

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose „*Autorile omane kirjavahemärgistus ja ekspressiivse süntaksi elemendid Marina Tsvetajeva luules*“, mille juhendaja on *Elizaveta Sosnovtseva*, reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Vera Filjajeva
27.05.2026

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrektselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride instituudi slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

[Autori allkiri]
Vera Filjajeva

Tartus, [27.05.2026]

АННОТАЦИЯ

В настоящей выпускной работе рассматривается употребление тире в цикле «Подруга» (1914–1915) М. Цветаевой как средства авторской пунктуации средства авторской пунктуации и элемента экспрессивного синтаксиса. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования тире и определении его роли в организации экспрессивного синтаксиса поэтического текста.

Материалом исследования послужили 17 стихотворений цикла, в которых проанализировано 66 случаев употребления тире на основе сплошной выборки. В работе выделены обязательные, факультативные и авторские случаи постановки тире.

Проведенный анализ показал, что тире в поэзии М. Цветаевой участвует в смысловом и интонационном членении текста, акцентировании отдельных компонентов высказывания и организации ритма поэтической речи. Особое внимание уделяется роли тире в организации предикативной структуры и формировании интонационного рисунка поэтической речи.

Ключевые слова: Марина Цветаева, тире, авторская пунктуация, экспрессивный синтаксис